

Сельма Лагерлёф

**Удивительное путешествие
Нильса Хольгерссона
с дикими гусями
по Швеции**

Перевод со шведского Сергея Штерна

*Настоящее издание – наиболее полный текст
«Удивительного путешествия Нильса...»,
без изъятий и купюр.*

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44
Л14

Перевод со шведского С. Штерна

Лагерлёф, С.

- Л14 Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции / С. Лагерлёф — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 496 с. — (Сага о Левеншельдах).

ISBN 978-5-521-78198-0

«Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» книга, адресованная не тем, кому +12. И даже не тем, кому +18.

Она написана и для детей, и для родителей. Для тех, кому плюс двенадцать, плюс восемнадцать, и плюс тридцать пять. Ибо, это книга для семейного чтения. Потому что надо же кому-то объяснить тем, кому +7 и +12, что книга Сельмы Лагерлёф — особенная книга. Не зря она разошлась по всему миру со скоростью лесного пожара, и не зря писательница получила Нобелевскую премию.

Это и в самом деле одна из самых удивительных книг XX века, заново переведенная Сергеем Штерном на русский язык.

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-78198-0

© Штерн С.В., перевод
на русский язык, 2019
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

Предисловие

Это предисловие рассчитано не на тех, кому +12. И даже не на тех, кому +18.

Оно рассчитано на родителей. На плюс тридцать пять. Потому что это книга для семейного чтения. Потому что надо же кому-то объяснить тем, кому +7 и +12, что книга Сельмы Лагерлёф — особенная книга. Не зря она разошлась по всему миру со скоростью лесного пожара, и не зря писательница получила Нобелевскую премию.

Это и в самом деле одна из самых удивительных книг XX века.

История ее забавна. В начале 1900-х годов некий член Шведского педагогического общества обратился к Сельме Лагерлёф, уже известной шведскому читателю своими романами «Сага о Йосте Берлинге» и «Иерусалим», с предложением написать для детей книгу о родной стране, которую можно было бы использовать как учебник географии в школах. И при этом книга должна быть увлекательной.

Немного поостыв, он бы наверняка понял, что погорячился, и взял бы свое нелепое предложение назад. Швеция — огромная страна, вытянутая с севера на юг почти на две тысячи километров, и разница в северных и южных ландшафтах примерно такая же, как между Сочи и Таймыром.

Но Сельму что-то в этом предложении привлекло, и она обещала подумать. А если обещала — надо думать. А если думает гениальная женщина — ей приходят в голову гениальные мысли. И ей, конечно, пришла в голову не какая-нибудь, а именно гениальная мысль.

О том, чтобы объехать всю страну, и речи быть не может. Пройти пешком — жизни не хватит. А вот облететь — другое дело.

И она превращает главного героя в гнома, сажает на гуса и отправляет в воздушное путешествие.

Тут, конечно, не совсем ясно, что заставило Сельму Лагерлёф все же взяться за эту книгу. Можно вспомнить, скажем, Дюма — он обо-жал фехтование, но ему надо было зарабатывать деньги писанием книг. И он, оставаясь за столом, сталкивал своих героев в бесконеч-

ных, со вкусом описанных поединках. Или Жюль Верн: тот вообще не выезжал из Парижа, но страсть к путешествиям не оставляла его всю жизнь. Он побывал на Северном полюсе, на десятке необитаемых островов, слетал на Луну и даже — страшно сказать — опустился в земные недра на какую-то маловообразимую глубину и открыл там новую цивилизацию.

И Сельме, скорее всего, не очень хотелось писать подробный рассказ про историю и географию родной страны.

Ей хотелось полетать на гусе.

И вот она летит на шикарном белом гусе. Описания пейзажей с высоты птичьего полета делают ей честь — она же в жизни не поднималась в воздух! Вот изрезанная наделами пахотная земля, напоминающая лоскутное одеяло (кто не видел такое из окна самолета), вот поросший лесом горный хребет, похожий на огромного мохнатого зверя с торчащими позвонками, — до чего же похоже! Не стоит забывать, что дело было еще в доавиационную эпоху!

Великая вещь — воображение и интуиция. Но как увязать все эти живо представившиеся ей картинки?

Летит, значит, Сельма Лагерлёф на гусе, ветерок в лицо, волосы красиво развеваются, а мысль так и сверлит: учебник географии! Как ни старайся, все равно повествование обречено быть похожим на то самое лоскутное одеяло: разрозненным и бессвязным. Одна провинция, другая, третья, одна скала, другая, третья... реки, озера, острова.

Любая книга — рассказ писателя о чем-то ему самому интересном. Очень часто именно рассказ и остается единственным элементом книги. Вот произошло загадочное убийство, появляется умный следователь и постепенно его распутывает. Или, наоборот, следователь глупый, а какой-то дилетант вроде мисс Марпл или Шерлока Холмса очень умный. Интересно? Очень. Тут главное — вывести читателя из равновесия и до самого конца держать его в напряжении: кто же убил-то? Впрочем остановить рассказ на самом страшном месте, направить подозрение куда-то не туда, ввести дополнительных странных персонажей. И неискушенный читатель даже испытывает раздражение, если автор по неловкости или намеренно раскрывает этот секрет слишком рано.

Таких историй тысячи. Большинство из них, даже искусно закрученные, забываются на следующий день после прочтения. Но не все. Некоторые не забываются. А почему?

Потому что кроме рассказа, как бы хорош он ни был, нужно что-то еще, чтобы привлечь внимание читателя. Нет, не привлечь внимание, а заставить задуматься.

Потому что, кроме рассказа, читатель хочет найти в книге либо моральный стержень, который помог бы ему разобраться в самом себе, либо новые знания.

Все это в книге Лагерлёф, безусловно, есть. Но это есть и во многих других произведениях.

Что же все-таки делает книгу незабываемой?

Интуиция и магия. Магия стиля, синтаксиса, метафор, магия внезапного узнавания и волшебного переосмысления давно известного. Умение загадывать этические загадки так, что мы не заглядываем за ответом в конец книги, а стараемся решить их сами. Умение увидеть мир таким, что читатель, которому и в голову никогда не приходило ничего подобного, всплеснет руками и воскликнет: «Господи, как же я сам-то этого не заметил?» Умение запрятать в тексте такие намеки и символы, что после прочтения возникает ощущение — что-то ты пропустил. И возвращаешься к книге еще раз, и еще раз, и еще. И когда такое умение достигает уровня истинного волшебства, писателя можно назвать великим.

Сельма Лагерлёф описывает откровенно сказочные ситуации так, что в них начинаешь верить. Писательница создает свою реальность, связанную с привычной бытовой реальностью только узнаваемым антуражем — лес, озеро, пригорок. Вот, например, все звери и птицы раз в году собираются в условленном месте на весенний праздник, где воцаряется недолгий всеобщий мир, где строжайше воспрещены не только охота, но и любые ссоры.

А почему бы нет? Может быть, именно у животных люди и позаимствовали идею Олимпийских игр.

Сельма создает свою, Сельмину, реальность и обживает ее так, что уже через несколько страниц не видишь ничего удивительного, что звери и птицы беседуют между собой, что можно превратить человека в гномика, что реки сознательно пробивают себе дорогу к морю, что великаны швыряют в море целые скалы, чтобы испугать лосося и заставить вкусную рыбу подниматься к ним на обед по крутым горным порогам... а эти скалы — внимание! — вот же они, эти скалы у берегов Блекинге, их никто с тех пор не убирал. Даже экзотические для русского уха названия шведских провинций, рек и долин приобретают сказочное звучание, как, например, знаменитое «крибле-крабле-бумс» или «снипп-снапп-снурре».

Изысканная эстетика в романе Сельмы Лагерлёф выполняет свою главную задачу. Она делает этику понятной и привлекательной.

Конечно, каждый писатель мечтает об идеальном читателе. То есть о таком читателе, который, прочитав главку, не поспешит узнавать, что же было дальше, а прочтет еще раз, уже не тратя усилий

глазных мышц на одновременный охват нескольких строчек сразу и не пропуская при этом половину показавшихся ему ненужными слов. По-моему, Набоков где-то сказал, что нет такого понятия «читатель». Есть понятие «перечитыватель».

И тогда, скажем, в главе о том, как Нильс спасал Акку с Кебнекайсе от коварного лиса Смирре, этот воображаемый читатель увидит не только героические действия бесстрашного мальчугана, но и вихрь мокрых листьев, и клацающие совсем рядом зубы рыжего разбойника, и влажно обледеневший ствол, и примерзающие к нему пальцы, и жуткую, наполненную таинственными шорохами и стонами ночь в лесу. И тогда, возможно, этот замечательный, выдуманный, но, наверное, все же где-то существующий читатель поймет, что как раз в эту секунду происходит первая встреча героя с языческим, прекрасным и бескомпромиссным миром дикой природы...

И мальчик впервые в жизни понял язык солнца.

Это очень важный момент в книге. Оказывается, чтобы выжить в этом мире, недостаточно понимать звериные языки, надо еще знать и язык солнца, гор, рек и долин. Поняв язык солнца, главный герой начинает понемногу постигать, что окружающая нас дикая природа живет по тем же законам, по которым должны бы были жить все человеческие сообщества.

По законам самосохранения.

К примеру, не убивай больше, чем можешь съесть (попробуйте предъявить эту максиму любому прославленному военачальнику, посвятившему жизнь вытаптыванию чужих огородов и уничтожившему миллионы невинных людей. Он ответит: «А я вообще никого не убивал и тем более не ел...»). Не разрушай то, что не ты построил. Выручай друга. Не нарушай данное слово.

После этой утренней беседы со светилом в Нильсе с каждой новой главкой происходят заметные перемены. Если в начале истории превращенный в Тумметота Нильс совершает хорошие поступки из корыстных побуждений (ему во чтобы то ни стало надо добиться, чтобы гуси взяли его с собой в Лапландию), то постепенно это становится настоящей, даже навязчивой потребностью — делать добро ближнему.

И он окончательно проникается этой идеологией бескорыстного добра, когда подслушивает ночной разговор между Аккой с Кебнекайсе и лисом Смирре.

— ...не только я, но и каждый в моей стае, от самого молодого до самого старого, готов ради Тумметота пожертвовать жизнью.

Вот что говорит Акка. А вот прозрение Нильса:

Он даже подумать не мог, что когда-нибудь услышит что-то подобное. Кто-то готов ради него пожертвовать жизнью!

И после этого он спасает от выстрела медведя, который собирается его убить. Здесь-то он точно заслужил бы аплодисменты Иммануила Канта с его категорическим императивом!

Кант утверждал, что хороший поступок только тогда истинно хорош, когда от него не ждут никакой выгоды.

Одна из кульминаций этого поначалу вполне язычески-природного, но постепенно все более христианского возрождения Нильса — сцена, когда крестьянка делится хлебом с орлом. С огромным, приносящим ущерб хозяйству и опасным даже для людей хищником. Сельма формулирует мораль предельно кратко, оставляя читателю самому поискать примеры вокруг себя.

Сострадание выше ненависти.

Религия Сельмы Лагерлёф истинно христианская, потому что она не ориентирована на конфессиональную замкнутость, на защиту от враждебных учений. Наоборот, она словно предваряет Анри Бергсона, который считал, что функция христианства как раз и заключается не в создании, а в разрушении барьеров не только между отдельными религиозными сектами, но и между народами. Более того, Сельма, как и Иисус Христос, не только мечтает об идиллическом сосуществовании людей разных рас и вероисповедований, но и о всеобщей гармонии всего живого на земле.

Мало того, по ходу рассказа она ставит бесчисленное количество требующих ответа нравственных дилемм и ясно дает понять, что эти дилеммы должны быть решены каждым — в меру его искренности и человечности. Например, что важнее: слепое исполнение патерналистских указов или простая человечность? (Главы «Канун ярмарки», «Легенда о фалунских рудниках».) Почему вороны, вполне мирный, хотя и разболтанный народец, поголовно становятся бандитами, как только во главе стаи оказывается бандит? («Глиняный горшок».) Можно ли для своей выгоды воспользоваться минутной слабостью другого, даже совершенно чужого тебе человека? («Искушение».)

И многое, многое другое, что не потеряло своей важности и сегодня.

Есть такое понятие — философско-нравственный парадокс. Чтобы оно не звучало сотрясанием воздуха, приведу известный пример профессора Сандерса.

Вы водитель трамвая, и у вас отказали тормоза. Вы видите, что на путях работают трое дорожных рабочих, и вы их непременно раздавите.

Правда, у вас есть возможность свернуть, но на боковом пути тоже рабочих, но один. Что вы выберете и какой выбор будет этически верен?

Это потому и парадокс, что на него нет ответа. Он мало чему учит, разве что дает повод к размышлению. И единственный возможный ответ — не идти в вагоновожатые, а выбрать другую профессию.

Для писателя, впрочем, возможность подобной нравственной эквилибристики очень и очень соблазнительна. На ней построена почти вся постмодернистская литература, да и пораньше. Начать можно с Сервантеса и Достоевского.

Но Сельма Лагерлёф не увлекается философскими парадоксами, она ставит нравственные вопросы прямо и искренне и требует от читателя прямых и искренних ответов. И если считать, что книга адресована детям (в чем, кстати, некоторые литературоведы сомневаются), то ответы эти чрезвычайно важны для формирования того типа личности, о котором мечтает Сельма Лагерлёф.

И последнее: по-видимому, это первая в истории мировой литературы книга, где всерьез поднимаются вопросы экологии, взаимоотношений человека и природы. При этом тревогу бьют не люди, даже не ученые, подсчитавшие, что в таком-то пруду количество головастиков пошло на убыль.

Людей предупреждает сама природа. Нельзя осушать озера. Нельзя бездумно вырубать леса, нельзя рыть направо и налево шахты. Никакое богатство не принесет счастья на мертвом пространстве изуродованной людьми планеты.

Невозможно перечислить все приемы, которые использует Сельма Лагерлёф, чтобы донести до читателя главную мысль своей замечательной книги. Фантастические превращения, как у Свифта? — пожалуйста. Звери размышляют и даже разговаривают между собой, как у Киплинга в «Книге джунглей»? — разумеется. Полные приключений путешествия, как у Жюль Верна? — конечно.

Но все бесчисленные истории в нежной и доброй книге Сельмы согреты любовью и состраданием, юмором и печалью.

Это и есть главная мысль книги.

Любовь и сострадание, юмор и печаль... Вот и весь набор ценностей, который необходим ребенку, чтобы вырасти в настоящего человека. Всему остальному можно научиться позже.

Сергей Штерн